

Китайское перевооружение охватывает Азию

Тенденции в области военных расходов и соперничество в сфере вооружений всё больше становятся характерной чертой кризиса мирового порядка. Военный фактор, с его обилием цифр и технических деталей, прочно входит в стратегические дискуссии. Рост доли оборонных расходов в ВВП сегодня является повсеместным симптомом нового витка перевооружения. Однако этот показатель, очевидно, не даёт полной картины, поскольку речь идёт о вооружениях, которые зачастую нельзя сравнивать между собой по качественным характеристикам. Бессмысленно и сравнение отдельных типов оружия: любое вооружение применяется лишь в связке с остальными средствами, которыми располагает та или иная держава – в союзе или в конфликте с другими державами в системе государств. Поэтому, хотя и трудно оценить реальное значение цифр или новых образцов военной техники, легче уловить их общее политическое значение и рассматривать их в контексте империалистической борьбы, всё более определяемой грубым соотношением сил. Ярким примером этого является “стochastic война” между Индией и Пакистаном, развернувшаяся в прошлом месяце в небе над Кашмиром. Китайские истребители, закупленные Равалпинди, главным штабом пакистанских вооружённых сил, сумели сбить французские Rafale, стоящие на вооружении Индии. По мнению французского комментатора Жана-Доминика Мерше, ключевую роль сыграли ракеты PL-15, произведённые в провинции Хэнань. Эти ракеты не были известны базам данных Rafale, что может свидетельствовать о временном сбое в системе. В любом случае, куда больше, чем внезапно проявившийся китайский потенциал в области авиации и ракет, индийскую дискуссию сегодня оживляет изменение баланса сил в Азии в среднесрочной перспективе – тенденция, которая ясно проявилась в ходе этого краткого конфликта.

Критический пересмотр многовекторности

Война остудила глобальные амбиции Индии, вновь сведя их к региональному масштабу. Причём за этим сдерживанием всё отчётливее просматривается китайская рука. По мнению Нирупамы Рао, бывшего посла в США и Китае, а также главы МИД в правительстве Манмохана Сингха от ИНК, происходящее нельзя рассматривать исключительно как двусторонний конфликт, учитывая роль Китая в формировании военного потенциала Пакистана. В будущем Дели рискует оказаться втянутым в череду коротких «эпизодических конфликтов», которые будут истощать его стратегические ресурсы.

Хэппимон Джейкоб, ученик Раджи Мохана в Университете Неру в Нью-Дели и редактор журнала *India's World*, говорит, что «баланс сил» в регионе теперь очевиден на практике, и утверждает: «с уверенностью можно сказать, что Китай заменил США в качестве ведущей державы Южной Азии». Он критикует Вашингтон за отсутствие «чёткой стратегической цели» в регионе, а также за фактическое сближение с Пекином в вопросе урегулирования конфликта между двумя соперниками в Кашмире. Китай, выступающий как поставщик вооружений, дипломатический посредник и экономический лидер, уже влияет на итоги региональных столкновений, подрывая роль США. Примечательно, насколько изменилась ситуация по сравнению с 1971 годом, когда индо-пакистанскую войну фактически остановили США, отправив в регион авианосец “Энтерпрайз” с целью оказать давление на Индиру Ганди. Тогда конфликт между Индией и Пакистаном был также своего рода прокси-войной между Москвой и Пекином: незадолго до этого Индия подписала договор о дружбе с Советским Союзом – в ответ на историческое сближение США с Китаем, союзником Пакистана. Сегодня, по словам Джейкоба, напротив, показательным стало относительное молчание России, объясняемое её квази-союзом с Пекином. Дели придётся иметь дело с охлаждением в отношениях с Москвой и неопределённостью в отношениях с Вашингтоном. Третье изменение касается внутренних ограничений многовекторной политики. Хотя отказ от вступления в военные альянсы, возможно, и был верным решением, Индия должна учитывать и его последствия: войны её придётся вести «в одиночестве». Индийская доктрина приносит значительные преимущества в мирное время, но может оказаться «неприменимой в условиях войны или конфликтов».

Горький выбор в пользу Америки

В условиях кризиса мирового порядка государства стремятся проявлять осторожность и избегать чётких обязательств, предпочитая сохранять все варианты открытыми – за исключением случаев, когда затронуты их стратегические интересы. Однако многовекторная политика сталкивается с наибольшими трудностями именно в периоды военных кризисов, когда Индия особенно нуждается в ясной политической поддержке от своих союзников. Возможно, в случае ограниченного конфликта Дели и не ожидает прямой военной помощи, но сам факт, что никто такую помощь даже не предложил, заставляет задуматься о том, как стратегические партнёры Индии будут вести себя в будущем: *«Наша политика многовекторности привела к ситуации, в которой у нас нет по-настоящему надёжных друзей. [...] В условиях нестабильного, неустойчивого и переходного миропорядка, напротив, может потребоваться такая многовекторность, в которой одни партнёры важнее других. А значит, нам придётся делать выбор».*

Хэппимон Джейкоб сознательно не расставляет приоритеты. Исключив Россию и Китай, остаются отношения с Европой, Японией и, прежде всего, партнёрство с Соединёнными Штатами. Несмотря на колебания и, возможно, временные издержки президентства Трампа, выбор в пользу Америки остаётся неизбежным. Такова основная оценка Раджи Мохана, основанная также на его реалистичных расчётах относительно сроков стратегического перевооружения европейских держав в среднесрочной перспективе. На страницах *The Indian Express* этот ветеран индийской внешней политики почти с сожалением констатирует, что Вашингтон, по сути, *«умывает руки»* в отношении Нью-Дели и Равалпинди, ограничиваясь призывами к быстрому урегулированию кризиса. Вместе с тем он делает вывод о необходимости ускоренного перевооружения Индии – как формы подстраховки на будущее. Министерство обороны уже в ближайшее время потребует увеличить оборонные расходы до 3 % ВВП в среднесрочной перспективе.

Рамбуйе: вооружённые сдерживатели

Существуют и другие политические течения – пока что находящиеся в меньшинстве, но прочно укоренившиеся в индийском капитале, – которые выступают за развитие отношений с Китаем. Подобный вариант, впрочем, прямо предусмотрен и в доктрине министра иностранных дел Субраманьяма Джайшанкара.

Наконец, остаются Европа и Япония. Сам Джайшанкар активно продвигает *«очень интенсивное взаимодействие»* с Европейским союзом, в том числе во время недавнего визита на Старый Континент. Раджа Мохан отмечает, что двойственная стратегия Германии – с одной стороны, подтверждение обязательств в рамках НАТО, с другой – курс на стратегическую автономию Европы в вопросах перевооружения, – во многом перекликается с индийской позицией, ориентированной на укрепление многополярного мира.

Что касается Японии, то здесь показательно мнение Акио Фудзии, редакционного директора *Nikkei Asian Review*. Он напоминает о 50-летию встречи в Рамбуйе – саммита крупнейших держав, расширенного в 1975 году за счёт приглашения Европы и Японии, – что положило начало *«большой семёрке»*¹. По нашему мнению, это стало первым признанием того, что США уже не способны в одиночку поддерживать послевоенный порядок и вынуждены были привлечь к этой задаче побеждённые державы второй мировой. Фудзии же интерпретирует это иначе – как продолжающееся уже полвека стремление Европы и Японии удерживать США в системе международного сотрудничества на фоне снижения относительной мощи Америки. Сегодня подобную роль могут взять на себя новые азиатские державы, противостоящие тарифной войне Дональда Трампа, но выступающие в то же время альтернативой *«объятиям Дракона»* - Китая, также претендующего на роль защитника свободной торговли. Для индийской многовекторной политики японские усилия, направленные на то, чтобы удержать США в азиатском регионе, представляют собой дополнительный фактор сдерживания Китая. Само по себе перевооружение Японии в этом контексте приобретает схожую уравнивающую функцию.

Азиатские нефтеюани

Японская *Nikkei* довольно сдержанно оценила саммит в Куала-Лумпуре с участием Китая, АСЕАН и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – встречу,

организованную в ответ на введённые Трампом тарифы и последовавшее за этим турне президента США по Среднему Востоку. Саммит подтвердил курс Китая на “двойную циркуляцию” – стратегическую связку между внутренним рынком и внешней проекцией – а также наращивание присутствия в регионе Персидского залива, что подрывает старую доктрину Картера о монопольной гарантии США.

Сама встреча также отразила многообразие внешнеполитических курсов средних держав Азии и стремление АСЕАН не развалиться под манёврами США и Китая. Вместе с тем предложение Малайзии вести переговоры по тарифам от имени единого блока вызывает споры. Китайские комментаторы, напротив, подчёркивают синергию между промышленностью, растущими рынками, природными ресурсами и молодой рабочей силой Юго-Восточной Азии, энергетическим и финансовым потенциалом стран Персидского залива и промышленной системой Китая. Хотя энергетическая и военная уязвимость транспортных путей через Ормузский и Малаккский проливы остаётся чувствительной темой, Китай оспаривает у Индии, а также у Малайзии и Индонезии право выступать от имени “глобального Юга”: как можно прочесть между строк, новый Бандунг будет финансироваться китайским капиталом и, отчасти, деньгами нефтяных монархий, которые стремятся диверсифицировать между США и Китаем свои энергетические доходы.

Военно-промышленный комплекс

Здесь сходятся все элементы колоссального промышленного и финансового противостояния между крупнейшими американскими, китайскими, европейскими и японскими корпорациями – за азиатские накопления и ближневосточную ренту, которые будут направлены в гигантские промышленные “лёгкие” Азии, где сосредоточено более миллиарда пролетариев. Однако и здесь над всем нависает тень китайского перевооружения.

Лу Фэн из Пекинской национальной школы развития, основанной Джастином Ифу Лином и Чжан Вэйином, в обширном эссе для Обозрения Института весны и осени в Шанхае подробно рассматривает военные аспекты так называемой *«комплексной промышленной системы»* Китая. По его мнению, Китай обладает достаточной глубиной рынка, чтобы сосредоточить у себя подавляющее большинство производственных процессов – как трудоёмких, так и капиталоемких, – и создать промышленную систему, которая в случае войны окажется относительно независимой или, по крайней мере, менее уязвимой, чем системы его противников. Лу критикует излишне ликвидационный подход к промышленной реструктуризации, ранее уже ставший объектом критики со стороны Си Цзиньпина в его “Очерках о финансовой работе”: речь идёт о необходимости затормозить демонтаж традиционных отраслей. Сегодня этот поворот подтверждается на фоне запоздалой, если не вовсе *«невозможной»*, попытки США вернуться к реиндустриализации, а также на фоне немедленных протестов напуганной протекционизмом Японии, лишённой собственного континентального рынка. С точки зрения Лу, торговая война положила начало *«дуэли века»* между американским и китайским финансовым капитализмом, опирающимся на гораздо более широкую производственную базу и контролирующим множество критически важных поставок для мировой промышленности. Китайская промышленная система сдерживания, таким образом, становится угрозой для производственного процесса США: *«Кто победит в этой череде экономических, политических и военных столкновений?»* – спрашивает он. Все азиатские державы пересчитывают свои балансы.

Июнь 2025 г.

¹ - В 1975 году группа расширилась за счёт Италии, что привело к образованию Большой шестёрки, а Большая семёрка возникла лишь на следующий год с приглашением Канады.